

В контексте глобальной трансформации

Российско-китайское сотрудничество в XXI веке

Базовые тенденции глобального развития: конец рынка

Мы живем в восхитительное, прекрасное, невероятно интересное время, когда все привычные нормы и правила рушатся и через некоторое время создаются заново, а возможности исторического творчества становятся безграничными, хотя за них и приходится дорого платить.

Глобальный экономический кризис маскирует переход человечества в качественно новое состояние. Информационные технологии преобразуют сам характер развития человечества: если до них мы меняли окружающий мир, то теперь во все большей степени меняем свое восприятие этого мира (так как наиболее рентабельным из общедоступных видов бизнеса стало формирование сознания). На следующем этапе — этапе массового применения биотехнологий (если он наступит) — мы будем менять уже самих себя.

Изменились мотивы общества: люди в массовом порядке стали осознанно приносить свои интересы в жертву эмоциям. Удовлетворение первичных материальных потребностей сделало главной проблемой общества сенсорное голодание: сегодня мотивом действий и, соответственно, непосредственным двигателем развития является дефицит не столько материальных или духовных благ, сколько прежде всего эмоций.

Активная часть общества во все большей степени структурируется в рамках не привычных нам партий и клубов, но сект, объединяющих людей на основе некритического восприятия религиозной догмы, человека, товара или финансового продукта.

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич — главный редактор журнала «Свободная Мысль», профессор, директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук.

Доклад на научно-практической конференции «Китай и Россия в меняющемся мире». Пекин. 4 мая 2015 года.

Ключевые слова: Россия, Китай, экономический пояс нового Шелкового пути, морской Шелковый путь, Шелковый путь, стратегическое сотрудничество, глобальная депрессия, глобальный кризис, Тайвань.

Общественные отношения расширились на два принципиально значимых уровня: с одной стороны, «ячейкой общества» стала уже не семья, а индивид, с другой — государства заняли подчиненную позицию по отношению к глобальному бизнесу и выражающему его интересы глобальному управляющему классу — этому качественно новому всемирно-историческому субъекту, ставшему главным фактором развития человечества.

Высокая производительность информационных технологий делает нужной для производства материальных и духовных благ, потребляемых человечеством, все меньшее число людей. В то же время возвышение глобального бизнеса над государствами уже сделало доминирующей логику эффективности с точки зрения не общества, а отдельной фирмы. Поэтому проблема «лишних людей», высвобождаемых из-за сверхпроизводительных технологий, и их свободного времени перестала учитываться, так как существует как проблема лишь на уровне общества, а не фирмы.

В результате мы видим дегуманизацию (так как человек стал лишним, перестал быть инструментом получения прибыли и нужным наиболее влиятельным силам мира) и социальную утилизацию среднего класса даже развитых стран (у которого максимален разрыв между производимым и потребляемым им товаром, нет влияния, чтобы защитить себя).

Это окончательно уничтожает традиционную демократию (существующую от имени и во имя среднего класса), заменяя ее информационной диктатурой в интересах глобального бизнеса, обеспечивающей требуемое разнообразие эмоций.

Ликвидация среднего класса уничтожает и рыночную экономику (так как именно средний класс предъявляет наиболее значимый спрос, а рынок без спроса — уже не рынок), заменяя ее сочетанием глобальных спекуляций на основе неконтролируемой эмиссии денег со скудеющим нормированным снабжением непродуцирующих масс населения в развитых странах и их утилизацией в гражданских конфликтах в странах неразвитых.

Помимо прочего, исчерпанность рыночных отношений проявляется в том, что прибыль перестала служить даже плохим заменителем смысла жизни. Единственная альтернатива заключается в саморазвитии личности, но это сложный и в принципе отрицающий коммерческую мотивацию путь. Поэтому Запад нашел временный выход в утилизации «лишнего» населения через постоянное непроизводительное обновление эмоций при помощи развлечений и пороков. Однако это решение в силу своей принципиальной бесчеловечности может быть лишь временным. Это путь Запада, но не наш путь: не русский и не китайский.

Деньги теряют значение, уступая свое место технологиям не только в качестве символа и инструмента социального успеха, но и в качестве непосредственного носителя и выразителя наиболее важного общественного отношения.

Технологии объемлют и вбирают в себя капитал так же, как когда-то капитал вобрал в себя золото как выражение общественных отношений. При этом на первое по значимости место выходят технологии управления чувствами масс людей, а значение привычных нам производственных технологий неумолимо снижается.

Интересно, что одновременно частная собственность на средства производства практически исчезла на уровне глобального бизнеса, так как акционеры не могут реализовать свое право на управление и более того — не хотят этого (они хотят быть не собственно акционерами, а пенсионерами своих компаний), — а без управления нет права собственности. Это еще одно выражение исчезновения рынка в его традиционном понимании и изживания капитализма как такового.

Мир в глобальной депрессии: два полюса, три валюты

Экономический кризис вызван формированием глобального рынка, складыванием на нем глобальных монополий и их загниванием. Непосредственное проявление этого загнивания — сжатие коммерческого спроса. Для предотвращения срыва в депрессию крупные экономики (США в период «количественного смягчения», еврозона, Китай, Япония) вынуждены замещать сжимающийся коммерческий спрос растущим государственным (за счет эмиссии денег).

Развитые страны не имеют возможности осуществления массовых производительных инвестиций, поэтому увеличение государственного спроса является не инвестициями, а раздачей денег и проявляется в росте долгов, ставших безнадежными.

Все 2000-е годы США загоняли мировые капиталы в свои ценные, в первую очередь государственные, бумаги стратегией «экспорта хаоса». Но после кризиса 2008—2009 годов она перестала работать (основная часть прироста долга стала финансироваться ФРС). Стратегия США в отношении «Исламского государства» и Украины позволяет предположить переход от стратегии финансирования долга к стратегии его списания при помощи разжигания Третьей мировой войны. Это главная угроза современности. (Разумеется, любая грамотная и масштабная операция развертывается в нескольких плоскостях и решает несколько разноуровневых задач, но главной является операция, решаемая на верхнем уровне.)

Понятно, что успех этой стратегии разрушит глобальный рынок, разделив его на несколько макрорегионов, — но он и так разрушается. Загнивание глобальных монополий делает главной ценностью спрос, и страны начинают защищать его, усиливая протекционистские барьеры (с начала кризиса в 2008 году до лета 2014-го Россия была единственным членом G20, не усилившим протекционизма). Это и без мировой войны объективно ведет к распаду глобального рынка на макрорегионы.

Данный процесс завершится срывом мира в глобальную депрессию. Но его результаты, своего рода «промежуточное равновесие», уже видны. В политике это восстановление биполярного противостояния в виде конкуренции США и Китая при Евросоюзе, Японии, Индии и, если мы перейдем от разграбления страны к развитию — России, в качестве «держав второго уровня», умеряющих это противостояние и не позволяющих ему стать разрушительным. На глобальном уровне это будет выражаться в противостоянии китайских капиталов, в том числе государственных, западным в рамках глобального управляющего класса.

В экономике очевидно уже обозначившееся разделение глобального финансового рынка на зоны доллара, евро и юаня. Китай будет вынужден отказаться от доллара как резервной валюты; еврозона может избежать этого, но тогда перестанет существовать как относительно самостоятельный участник глобальной конкуренции.

Мир на первом этапе глобальной депрессии можно описать формулой «два полюса — три валюты». Это будет очень напряженный и неустойчивый мир.

Важен технологический аспект распада глобального рынка на макро-регионы. Современные технологии, в том числе жизнеобеспечения (например, обновления антибиотиков), сложны и дороги, что требует для них значительных рынков. Общее обеднение из-за глобальной депрессии в сочетании с уменьшением рынков из-за разделения глобального рынка лишит многие макрорегионы возможности развивать современные технологии, в том числе жизнеобеспечения.

Это может привести к масштабным катастрофам с большим количеством жертв. Способы избежания этого — нерыночное использование наиболее важных и сложных технологий либо переход на качественно иные, дешевые и сверхпроизводительные технологии, качественно повышающие эффективность за счет использования новых технологических принципов. Многие из них созданы в рамках советского военно-промышленного комплекса, дожили до наших дней и сегодня не только сохраняются, но и развиваются «в порах» российской и западной бюрократических высокомонополизированных систем. Выход этих «закрывающих» технологий (так как их сверхпроизводительность «закроет» целые нынешние отрасли) на широкий рынок пока блокируется глобальными и национальными монополиями, — но их широкое распространение уже началось.

«Сланцевая революция» (хотя сланцевая добыча резко сократилась и служит во многом для прикрытия контрабандной скупки нефти у Ливии и «Исламского государства») удешевила энергию и дала стимул реиндустриализации США. Предстоящая революция 3D-печати перенесет производство относительно простых изделий к местам их потребления и откроет эру реиндустриализации США и деиндустриализации экспортных экономик, в первую очередь Китая.

Важно, что патенты на 3D-печать блокировались глобальными монополиями с конца 1980-х. Прекращение этого блокирования — признак стра-

тегического выбора: глобальные монополии предпочли рискнуть незыблемостью своего положения (так как технологический прогресс развивает конкуренцию и ослабляет их позиции) ради укрепления позиций Запада, в странах которого они базируются, и подрыва Китая как стратегического конкурента. Это действие — признак важного выбора: глобальные монополии действуют именно как западные, стремясь не к своей власти над миром в целом, а к благополучию Запада против и за счет остального мира.

Разумеется, глобальный управляющий класс разнороден, но эта позиция доминирует, так как проявляется в наиболее значимых для мира практических действиях.

Угроза деиндустриализации из-за удешевления и универсализации 3D-технологий — главная угроза Китаю. Но даже если она и не реализуется, Китай в силу совокупности внутренних процессов будет замедлять свой рост.

Помимо внутренних социально-политических, экономических и психологических проблем, именно такое замедление (по ощущениям, до 5 процентов и меньше в течение трех лет) станет катализатором срыва мира в глобальную депрессию и форсирует его распад на макрорегионы. Это ударит и по самому Китаю, так как даже без 3D-печати ограничит его доступ на рынки Запада.

Залогом нашего сотрудничества является то, что потенциалы России и Китая в стратегическом отношении взаимно дополняют друг друга. Поэтому необходима выработка совместного глобального видения проблем развития человечества и методов их решения.

Данный сценарий требует превентивной проектной реакции на основе в том числе углубления и рационализации комплексного сотрудничества с Россией.

Сотрудничество России и Китая: направления и задачи

Залогом нашего сотрудничества является то, что потенциалы России и Китая в стратегическом отношении взаимно дополняют друг друга. Поэтому необходима выработка совместного глобального видения проблем развития человечества и методов их решения.

Мир погружается в новое средневековье, и наша стратегическая задача — защитить наши народы от трех обуславливающих друг друга базовых процессов, разворачивающихся в современном мире:

— прекращение качественного технологического прогресса (коммерциализация технических принципов, открытых во время «холодной войны», продолжается и приносит фантастические результаты, пусть и все более узкому кругу людей; но само открытие этих принципов прекратилось);

— архаизация культуры повседневной жизни: деградация образования, здравоохранения, логического мышления, рационального целеполагания и поведения, атомизация общества и оформление его в новые касты с утратой как солидарности, так и конкуренции;

— дегуманизация общества.

Ключевой задачей представляется гармоничное соединение производственной и технологической мощи Китая со способностью русской культуры сочетать гуманизм с техническим прогрессом и находить необычные решения почти в любой ситуации. Наши страны могут войти в симбиоз солидарности и конкуренции, трудно воспринимаемый с позиций формальной западной логики, но очень органичный в силу своей диалектики для русской (по крайней мере) культуры.

Главной тенденцией современного политического развития человечества представляется национально-освободительная борьба народов против глобального бизнеса и выражающего его интересы глобального управляющего класса. Последние обладают огромной, в тактическом плане определяющей властью и при этом свободны от всякой ответственности перед теми, на кого влияют их действия, и агрессивно враждебны ко всем формам обособленности, в том числе в виде государств.

Власть глобального бизнеса, выражая исчерпанность рыночной экономики, навязывает народам невыносимый для них уровень конкуренции. Она разрушает целые страны и регионы, лишает народы будущего, а в развитых странах обрушивает основную массу населения в бедность (средняя реальная зарплата в США в 2013 году соответствовала уровню 1958 года, а в Великобритании огромная масса недавнего среднего класса неумолимо опускается в бедность, на «уровень хлеба», который стал актуальным и общепризнанным социологическим термином).

Народы восстают против этого, что проявляется в отказе Латинской Америки от политического партнерства с США (именно США находятся в изоляции, что и вынудило Б. Обаму признать Кубу) и росте влияния патриотов (неважно, правых или левых) в Евросоюзе. На повестке дня стоит формирование нового, Патриотического Интернационала в противовес глобальному управляющему классу, так как противоречия между отдельными странами и народами ничтожны на фоне их общего противоречия с глобальным бизнесом, отрицающим само их существование.

Китай как ключевой участник глобализации вошел своим бизнесом (в том числе государственным) и иными своими представителями в глобальный управляющий класс. Однако в силу близости китайской элиты

с народом (пугающе меньшей, чем еще полтора десятилетия назад, но неприемлемой по меркам глобального бизнеса) она не предала интересы Китая и осталась его частью, не став, в отличие от элит многих других стран, частью глобального класса, управляющей своей страной и своим народом в собственных интересах.

Снятие патентной защиты с 3D-печати, приведшее к ее существенному удешевлению и бурному распространению, представляется признаком того, что китайская элита не принята глобальным управляющим классом и приговорена им к уничтожению (по крайней мере, в качестве глобально значимой силы).

В аналогичном положении и по схожим ценностным причинам находится политическое руководство России во главе с В. В. Путиным.

Немаловажно и то, что США сумели подорвать реинтеграцию постсоветского пространства Россией при помощи организации нацистского переворота на Украине и формирования нацистской же государственности. Украина превращена в кровоточащую язву Европы — подобную Косово, но качественно большую по своим размерам.

Руководство России не смогло противодействовать США в этом направлении. Более того: во главе Евразийского экономического союза еще до украинской катастрофы был поставлен либерал Христенко. Будучи либералом, он, насколько можно понять, является принципиальным и последовательным противником реинтеграции постсоветского пространства с участием России.

Украинская катастрофа создала качественно новую реальность, в которой российский интеграционный проект не только не противоречит китайскому и не конкурирует с ним, но и гармонично дополняет его и, более того, объективно является его частью (пусть даже российское руководство пока этого и не поняло).

Изложенное представляется объективной причиной не только необходимости, но и возможности объединения наших усилий в глобальной конкуренции. Основа такого объединения — патриотизм, понимаемый как лояльность своему народу, в противовес либерализму как лояльности глобальному бизнесу.

В плане социально-экономической политики выразителем этой системы ценностей является Пекинский консенсус (в противовес Вашингтонскому), ориентированный на обеспечение государством развития своей страны в интересах народа, а не в интересах глобального бизнеса. Именно на основе индивидуальных устремлений к нему складывается объединение БРИКС. Основные черты Пекинского консенсуса:

— управляемость в интересах общества, приносящая частное в жертву целому, тактические интересы — стратегическим, а сиюминутные — кратковременным (трактуемая в рамках западной традиции как «авторитаризм»);

— постепенность преобразований, обеспечивающая психологическую и культурную адаптацию к ним общества;

- гибкие инновации и эксперименты с постоянной обратной связью, позволяющей оперативно корректировать их;
- научное обеспечение управления обществом;
- развитие рынка в интересах общества под контролем и при необходимости с прямым участием государства в интересах общества (в западной традиции «государственный капитализм в противовес социалистическому централизованному планированию и либеральной рыночной экономике»);
- государство берет на себя необходимые обществу функции, которые общество само не может выполнить; по мере развития общества часть этих функций передается ему;
- максимально возможный в каждый момент учет мнений и интересов общества («демократия традиционного общества», ориентированная не на институты как самоценность, которые начинают преследовать собственные интересы, а на удовлетворение общественной потребности);
- максимально возможное в каждый момент развитие человеческого потенциала.

Превращение Пекинского консенсуса в новую норму государственной политики для все большего круга стран открывает качественно новые перспективы и российско-китайского двустороннего сотрудничества.

Важнейшими направлениями представляются следующие:

1. Возобновление проекта создания сухопутного торгового пути из Китая — экономический пояс нового Шелкового пути — с созданием в Крыму дистрибуционной торговой базы для Греции, Балкан, Восточной и Центральной Европы (с гарантиями сохранения демографического баланса в Крыму). Морской Шелковый путь сам по себе может быть в любой момент перерезан США, но наличие сухопутного дублера сделает такие попытки бессмысленными и, соответственно, маловероятными; кроме того, экономический пояс нового Шелкового пути позволит качественно повысить его мощность и, соответственно, расширить доступ Китая на идеальные для него рынки беднеющей Европы. Наконец, экономический пояс нового Шелкового пути представляется качественно новой интеграционной зоной глобального масштаба.

2. Создание единой незападной финансовой инфраструктуры на всей уровнях (от системы межбанковских расчетов — аналога SWIFT — до собственной системы международно признаваемых рейтинговых агентств).

3. Превращение юаня в международную резервную валюту на основе введения его золотого обеспечения. Это повысит спрос на юань и укрепит его, качественно расширив и углубив влияние Китая, за что придется заплатить снижением конкурентоспособности. Соответственно, для решения этой задачи необходимо качественно снизить зависимость Китая от экспорта. Превращение юаня в международную резервную валюту уничтожит гегемонию США и представляется единственным спо-

собом гарантированно избежать Третьей мировой войны, разжигаемой США для списания заведомо безвозвратных долгов.

4. Создание инфраструктуры постоянных консультаций на уровне экспертов, ученых, корпоративного и государственного управления, обеспечивающей выработку и поддержание взаимопонимания, общей повестки дня и создающей институциональную основу для тесного сотрудничества.

5. Культурный обмен, ослабляющий межцивилизационный барьер и повышающий качество повседневного сотрудничества (в самых разнообразных формах; достаточно вспомнить, как частичное дотирование Японией перевода и издания японских писателей привело к бешеной популярности в России, например, Мураками).

Нам, Китаю и России, надо остановить целенаправленные и разнообразные усилия глобального бизнеса по спасению США и сохранению их гегемонии за счет разрушения всего остального мира.

Сделать это можно только одним способом — созданием новой, справедливой реальности, созданием нового мира взамен того, который разрушается на наших глазах.

Противники сотрудничества России и Китая

Наиболее очевидным противником нашего сотрудничества является Запад и в первую очередь — США. С того времени, когда единственным реальным содержанием предлагаемой России Америкой «перезагрузки» отношений считали разрыв нашего стратегического партнерства, ничего не изменилось — по крайней мере в лучшую сторону.

Поэтому руководство США будет прилагать все усилия, действуя комплексно, разнообразно и изобретательно, чтобы максимально осложнить наше сотрудничество.

Однако следует помнить, что национальные бюрократии Запада, включая США, в целом являются не более чем марионетками глобального бизнеса. Он неоднороден; но та его часть, которая ориентируется на сохранение глобального рынка и финансовой архитектуры в его нынешнем виде, а также часть, ориентирующаяся на разрушение мира ради сохранения благополучия США, являются непримиримыми противниками как России и Китая, так и нашего партнерства. Для первых мы должны быть подчиненными им и разрозненными элементами глобального рынка, не смеющими осознавать свои интересы и объединяться для их защиты. Для вторых — источниками ресурсов для поддержания завышенного уровня потребления в США.

Разумеется, глобальный бизнес будет подрывать наше сотрудничество не только извне, но и изнутри — в первую очередь через российский либеральный клан, полностью контролирующий социально-экономическую политику России. Его представители заигрывают с Китаем, но именно они являются основной проблемой в развитии наших отношений.

Помимо глобальных противников, сотрудничеству, хотя и в меньшей степени, будут мешать противники локальные.

Прежде всего — это искренние, но близорукие патриоты России и Китая, сосредоточенные на локальных вопросах и не имеющие стратегического видения. Это заставляет их концентрироваться на естественных противоречиях двустороннего развития, которые без их раздувания решаются рутинным образом — в ходе повседневных переговоров. Для России — это «опасность китайской экспансии» и «захвата Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока»; для Китая — сетования на плохое освоение Россией этих земель и необходимость передачи их Китаю.

Как представляется, проблема решается путем развития действующей системы взаимных обязательств, нейтрализующей чрезмерные опасения и надежды, и превентивной работы с носителями соответствующих взглядов, не допускающей их распространения и укоренения. Поскольку данные взгляды отражают слабость и низкую эффективность России, нормализация нашего государства и переход его от разграбления советского наследия к модернизации и развитию страны автоматически нейтрализуют их и снимут имеющиеся неудобства.

Другой локальной проблемой представляются региональные соседи наших стран (от Вьетнама до Прибалтики), опасющиеся любого их укрепления просто в силу их масштаба, а также страны вроде Индии, опасющиеся нарушения глобального равновесия как такового. Решением проблемы в отношении добросовестных соседей представляется подробное разъяснение им смысла и последствий каждого нашего шага с постоянными предложениями присоединиться ко всем проектам, представляющим для них интерес. Недобросовестные же соседи заслуживают лишь сдерживания, так как являются представителями глобального бизнеса.

Важной проблемой является Тайвань. Его молодежь настроена антикитайски: в прошлом году ее представители захватили и три месяца удерживали здание парламента. На выборах 2017 года к власти скорее всего придут националисты, которые могут провозгласить независимость, что по законам Китая вынудит его немедленно начать войну. США тем более заинтересованы в таком развитии событий, что в 2018 году ожидается вступление в строй трех китайских авианосцев, что кардинально изменит баланс сил в акватории всего Мирового океана и потому недопустимо для США.

Обострение тайваньского кризиса объективно сблизит Россию и Китай (подобно тому, как это сделала украинская катастрофа), но цена такого сближения представляется совершенно недопустимой.

Наконец, отдельным противником российско-китайского сотрудничества является Япония, однако она лишена возможностей активной политики. Она хотела бы активизировать сотрудничество с Россией для потенциального ослабления Китая, но не может это сделать, поскольку это противоречит глобальным интересам США по подавлению России. Повысить же степень своей самостоятельности по отношению к США

она не может из страха перед Китаем (от которого, по мнению японской элиты, ее защищают США) и страха потерять часть необходимого для нее американского рынка. Поэтому Япония обречена на невнятное выражение своего недовольства и наращивание вооруженных сил без каких бы то ни было активных действий. В случае же возникновения проблемы ее энергию надолго может отвлечь, например, испытание КНДР очередной баллистической ракеты (объединение Кореи повысит эффективность южнокорейских корпораций и потому не нужно никому в регионе и маловероятно).

Союзники России и Китая

Помимо названных выше, важным союзником укрепления сотрудничества наших стран является часть глобального бизнеса, ориентированная на разделение мира на макрорегионы для последующего зарабатывания влияния и денег за счет организации их взаимодействия. Условно они ассоциируются с «группой Ротшильдов», которая несколько лет назад нанесла символическое поражение «группе Рокфеллеров», осуществив широко разрекламированное асимметричное объединение активов (пусть и незначительных для обеих групп).

Эта часть глобального бизнеса, исторически сотрудничавшая с Китаем, заинтересована в его всемерном укреплении. Ее отношение к развитию партнерства между Россией и Китаем неоднозначно, так как, стремясь к организации взаимодействия между регионами, она заинтересована в максимальном их количестве и потому была ориентирована на поддержку создания Россией собственного макрорегиона при помощи проектов реинтеграции постсоветского пространства.

Однако в свое время при зондировании российского руководства она не смогла найти в нем партнеров. Попытка установить коммерческие отношения привели к стратегически неудачному сотрудничеству с ТНК, а затем «Роснефть» переориентировалась на входящую в «группу Рокфеллеров» ExxonMobil. Поэтому сегодня создание российского макрорегиона не является для «группы Ротшильдов» самостоятельной целью; гораздо более важно для нее сохранение жизнеспособности китайского макрорегиона, в том числе и за счет стратегического сотрудничества с Россией.

Важным нашим союзником является и коммерческий интерес стран Запада, все более острый по мере нарастания глобального кризиса и сжатия спроса. Санкции Евросоюза против России показывают, что он не в силах проявиться при отсутствии должной политической поддержки с нашей стороны. Однако поддержка Великобританией, а затем Германией и Францией Азиатского банка инфраструктурных инвестиций показывает, что наличие соответствующих усилий и целевое предложение значительных выгод и перспектив позволяет использовать коммерческие интересы Запада против его же стратегических интересов.

Развитие российско-китайских отношений до сих пор шло во многом стихийно, под воздействием коммерческих интересов. Именно этим вызваны их недостаточность и пассивный по отношению к окружающему миру характер.

Осмысление их в контексте глобального развития, всего спектра стоящих перед миром проблем способно не только качественно интенсифицировать их и придать по-настоящему комплексный характер, но и превратить в инструмент глубокого преобразования всего современного человечества в интересах наших народов.

Поэтому объективным союзником российско-китайского сотрудничества является все человечество, все народы, которым мы поверх правительств и глобальных корпораций должны предложить новую модель социально-экономического, да и просто личностного развития.

Но для этого данную модель сначала надо выработать нам самим.

Нам предстоит вместе построить новый мир, потому что старый уже закончился. ◆